

ЯЗЫК В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 81'42

Е. Н. Василенко

*Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова, Могилев*

ЯЗЫК ВРАЖДЫ В ЗАГЛОВКАХ НОВОСТНЫХ ИНТЕРНЕТ-СТАТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКОГО СЕГМЕНТА ВСЕМИРНОЙ СЕТИ)

Аннотация: *В статье рассматривается использование языка вражды в заголовках новостных интернет-статей. Обосновывается необходимость изучения вербализации враждебности в интернет-дискурсе. Освещаются подходы к трактовке языка вражды (hate speech) как лингвистического феномена. Материалом исследования послужили заголовки статей на гендерную тематику за 2014–2018 гг., представленных на белорусском интернет-портале TUT.by. При анализе материала использована классификация, предложенная А. М. Верховским.*

Ключевые слова: *язык вражды, интернет-дискурс, новостная интернет-статья, заголовки, гендер.*

Е. N. Vasilenko

Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev

HATE SPEECH IN INTERNET NEWS ARTICLE HEADLINES (BASED ON THE BELARUSIAN SEGMENT OF THE INTERNET)

Annotation: *The article discusses the use of hate speech in the headlines of Internet news articles. The necessity of studying verbalization of hostility in the Internet discourse is substantiated. The approaches to the interpretation of hate speech as a linguistic phenomenon are highlighted. The study is based on the headings of the articles on gender issues published on the Belarusian Internet portal TUT.by in 2014–2018. The analysis of the material is based on the classification of hate speech types proposed by A. M. Verkhovsky.*

Keywords: *hate speech, Internet discourse, Internet news article, headline, gender.*

Актуальность лингвистического исследования вербализации враждебности в интернет-дискурсе. В последние два десятилетия феномен hate speech получил широкое освещение в работах по гуманитарным дисциплинам. Возросший интерес исследователей к данному явлению обусловлен тем, что использование элементов вербализации

коммуникативно-прагматической категории враждебности [1] несет в себе значительную социальную опасность, так как может быть формой проявления того или иного вида дискриминации или нетерпимости: расизма, ксенофобии, гомофобии, сексизма, межнациональной вражды и пр. Именно этот факт обуславливает неугасающий интерес к изучению данного явления со стороны специалистов в области юриспруденции по всему миру. При этом само наличие в термине компонента speech предполагает необходимость исследования данного феномена, в первую очередь, с позиций лингвистики.

Очевидно, что использование элементов hate speech в разных типах дискурса требует отдельного рассмотрения. Так, например, в политическом дискурсе, особенно в речи политической элиты общества, агрессия по отношению к оппоненту имеет, как правило, имплицитное выражение, что делает еще более значимым изучение вербализации враждебности в плане коннотативного аспекта семантики языковых единиц [2].

Учитывая, что наибольшее распространение негативные высказывания приобретают в интернет-дискурсе, предполагающем полную анонимность говорящего, особую актуальность для языкознания приобретают исследования, привлекающие в качестве источника материала именно ресурсы мировой сети. Изучение интернет-дискурса как едва ли не самой динамично развивающейся сферы общения с точки зрения вербализации враждебности представляется стратегически важным, так как именно здесь находят отражение основные процессы и изменения, происходящие как в обществе, так и в самом языке.

Перевод и границы термина hate speech. Учитывая, что изучение hate speech попадает в сферу интересов не только лингвистики, но и правоведения, как было указано выше, сам термин можно трактовать как юрислингвистический, т. е. как «слово или словосочетание юрислингвистического метаязыка, созданного для точного обозначения специальных лингвистических явлений, понятий и конструктов, относящихся к области правовой экспертизы» [3, с. 1376]. В связи с этим, во многих политических документах представлено определение hate speech.

Так, например, согласно Общеполитической рекомендации № 15 «О борьбе с языком ненависти» (принята Европейской комиссией по борьбе с расизмом и нетерпимостью 8 декабря 2015 года), «язык ненависти следует понимать как защиту, поощрение или подстрекательство, в любой форме, к унижению, вражде или поношению какого-либо лица или группы лиц, а также как любое проявление притеснений, оскорблений, создания негативных стереотипов, стигматизации или угроз в отношении такого лица или лиц и любое оправдание всех перечисленных форм выражения по признаку расы,

происхождения, национальной или этнической принадлежности, возраста, инвалидности, языка, религии или убеждений, пола, гендера, гендерной идентичности, сексуальной ориентации и других личных характеристик или статуса» [4, с. 5].

На наш взгляд, более уместным для использования в лингвоюридическом пространстве представляется термин «вербальный экстремизм», что обусловлено, в первую очередь, разницей в значении понятий «вражда» и «экстремизм» (см. [5]), в то время как феномен hate speech необходимо рассматривать, в первую очередь, с позиций науки о языке, а именно с точки зрения лингвоконфликтологии.

В лингвистических работах можно встретить такие варианты перевода термина hate speech, как «язык ненависти», «речь ненависти», «риторика ненависти». А. В. Денисова предлагает переводить данный термин как «речь ненавидящего», что позволит говорить о языке вражды как об особом дискурсивном пространстве [6, с. 221].

Мы придерживаемся традиционного перевода термина hate speech – «язык вражды», который получил наибольшее распространение в русскоязычной научной литературе. Враждебность в данном случае понимается нами, вслед за Е. П. Ильиным, как «комплексная аффективно-когнитивная черта, или ориентация личности», которая может проявляться «в эмоциях злости (гнева), отвращения и презрения с присущими им переживаниями и экспрессией, которые могут приводить к агрессивному поведению» [7, с. 254], то есть агрессивное поведение «может проистекать из чувства враждебности, мотивироваться им, но само этим чувством не является. Враждебность еще не есть агрессия <...>» [там же, с. 255].

Вышеизложенная трактовка враждебности обуславливает и нашу позицию относительно разграничения понятий «язык вражды» и «речевая / вербальная агрессия». Во многих лингвистических исследованиях отмечается, что данные термины могут рассматриваться как синонимичные. Так, например, И. Дзялошинский отмечает, что приблизительным эквивалентом «чересчур метафорического понятия “язык вражды”» является термин «речевая агрессия», понимаемая как специфическая форма речевого поведения, мотивированная агрессивным состоянием говорящего [8, с. 106], а А. А. Кирдун и А. В. Андреева рассматривают язык вражды как разновидность речевой/вербальной агрессии [9, с. 101].

Разделяя точку зрения А. В. Евстафьевой, считаем, что «несмотря на множество терминов, используемых в науке для обозначения негативных высказываний (...), ни один из них не является адекватным синонимом термина «язык вражды», так как обозначает либо явление, являющееся его частным случаем, либо понятие, более широкое по объему» [9, с. 11–12].

Проблема лингвистической дефиниции

термина «язык вражды». В настоящее время в лингвистике не существует единого, общепризнанного определения термина «язык вражды». Для примера можно привести следующие его трактовки: «лингвистические способы выражения резко отрицательного отношения к каким-либо явлениям общественной жизни (культурным, национальным, религиозным и т. п.), а также к людям, являющимся носителями иных, противоположных автору, духовных ценностей» [11, с. 448]; обобщенное обозначение «языковых средств выражения резко негативного отношения человека по отношению к представителям иной системы религиозных, национальных, политических, социальных, культурных или же более специфических, субкультурных ценностей» [12, с. 36]; «дискриминационные, негативистские высказывания, определения, эпитеты применительно к этносу, расе, убеждениям, апеллирующие к конфликтности и разнице между национальностями или религиями и – в своей крайней форме – пропагандирующие вражду и рознь» [13, с. 811]; блатантная, т. е. кричащая, ярко выраженная, форма коммуникации, основанной на предубеждениях и дискриминации (*prejudiced and discriminatory communication*) [14, с. 145].

Как следует из представленных выше определений, неотъемлемыми компонентами содержания понятия «язык вражды» являются резко негативная окраска высказывания и его направленность на представителей иной системы ценностей или систему ценностей как таковую. В последних двух трактовках, предложенных Н. О. Автаевой и А. В. Гладилыным соответственно, подчеркивается важнейшая составляющая языка вражды – социальная – как формы коммуникации, основанной на предубеждениях и дискриминации.

Таким образом, под языком вражды мы понимаем совокупность языковых средств, выражающих негативное, основанное на стереотипах или предубеждениях, отношение к адресату – носителю ценностей, отличных от ценностей адресанта, и, как следствие, вербализующих тот или иной вид дискриминации или нетерпимости.

Классификации языка вражды. К получившим наибольшее распространение классификациям языка вражды можно отнести следующие две, во многом пересекающиеся и взаимодополняющие, классификации.

Классификация, предложенная А. Р. Ратиновым и изложенная в обновленном варианте в [15], предполагает выделение таких видов языка вражды, как 1) ложная идентификация – формирование и подкрепление негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, расы, религии путем переноса различного рода негативных характеристик и пороков от дельных представителей на всю этническую или религиозную группу; приписывания всем представителям этнической или религиозной группы стремления следовать древним обычаям, верованиям, традициям,

негативно оцениваемым со-временной культурой; утверждения о врожденном или историческом превосходстве одной нации, расы, религии и неполноценности или по-рочности других; 2) ложная атрибуция – приписывание враждебных действий и опасных намерений представителям какой либо нации, расы, религии по от ношению к другим путем возложе-ния вины и ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую, расовую или религиозную группу; утверждения об изначаль-ной враждебности определенной нации, расы, религии по отношению к другим; утверждения о полярной противоположности и несовместимости интересов одной этнической или религиоз-ной группы с интересами других; утверждения о наличии заговора, тайных планов одной нацио-нальной или религиозной группы против других; объяснения бедствий и неблагополучия в про-шлом, настоящем, будущем существованием и целенаправленной деятельностью определенных этнических, расовых и религиозных групп; 3) мнимая оборона – побуждение к действиям про-тив какой либо нации, расы, религии путем по-ощрения, оправдания геноцида, депортаций, ре-прессий в отношении представителей какой либо нации, расы, религии; требования вытеснить из различных сфер деятельности лиц определенной национальности, расы, конфесси-ональной принадлежности; требования ограни-чить права и свободы граждан или создать привилегии по национальному, расовому, религиозному при-знаку; высказывания угроз и подстрекатель-ства к насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности, расы или по при-знаку религиозной принадлежности [15, с. 77]. В основу исследования положена класси-фикация, предложенная А. М. Верховским для разгра-ничения степени жесткости видов языка вражды, используемых в отношении религиозных и этни-ческих групп [16, с. 42–43], в соответствии с кото-рой к жесткому языку вражды относятся прямые и непосредственные призывы к насилию; призывы к насилию в виде общих лозунгов; пря-мые и не-посредственные призывы к дискримина-ции; при-зывы к дискриминации в виде общих ло-зунгов; завуалированные призывы к насилию и дискри-минации. Средний язык вражды включает в себя оправдание исторических случаев наси-лия и дис-криминации; публикации и высказыва-ния, подвер-гающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации; утверждения об исторических преступлениях группы как таковой; указания, с целью дискрими-нации, на связь груп-пы с политическими и госу-дарственными струк-турами; утверждения о кри-минальности той или иной группы; рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной группы в материаль-ном достатке, предста-вительстве во властных структурах, прессе и т. д.; обвинение в негатив-ном влиянии той или иной группы на общество, государство; призывы не допустить закрепления

в регионе мигрантов, принадлежащих к той или иной группе. Мягкий язык вражды заключается в создании негативно-го образа группы; упомина-нии названия группы в уничижительном контек-сте; утверждении о неполноценности группы как таковой; утвержде-нии о моральных недостатках той или иной груп-пы; упоминании группы или ее представителей как таковых в уничижительном или оскорбительном контексте; цитировании высказы-ваний и текстов, имеющих явно дискриминирую-щий характер, без комментария.

Пример исследования использования языка вражды в заголовках новостных интер-нет-статей. Объектом данного исследования вы-ступили заголовки новостных статей на гендер-ную тематику за 2014–2018 гг. (до 06.11.2018), представленных на интернет-портале TUT.by (в том числе и статьи авторов других интернет-изда-ний, опубликованные на этом портале).

В ходе исследования было установлено, что из 141 новостной статьи, затрагивающей те-матику ЛГБТ-сообщества (что упомянуто в заго-ловке), в заголовках десяти можно обнаружить то или иного проявление языка вражды. Харак-терно, что в абсолютном большинстве случаев – это прямые или косвенные цитаты (три из кото-рых связаны с одним событием):

– средний язык вражды – утверждение о криминальности социальной группы: Охлобыст-ин попросил Путина вернуть уголовное наказа-ние за мужеложество от 07.01.2014; На их взгляд, это было правосудие. Рассказ гея о под-ставном свидании от 10.07.2018;

– мягкий язык вражды – утверждение о мо-ральных недостатках социальной группы: Пусть оставят в покое. Мы не злодеи. Как жи-вет в обыч-ной деревне семья, где «папа» – транссексуал от 06.02.2016 (примечательно, что в данном за-головке слово пап'а выделено кавыч-ками, что также может трактоваться как способ проявления языка вражды); Мы – за подлинное, они не прой-дут! МВД Беларуси – о ЛГБТ-флаге на посольстве Великобритании от 20.05.2018; «Они не пройдут!» и «Сами вы подделка!» Как флаг ЛГБТ на посоль-стве спровоцировал кон-фликт от 07.06.2018; Шуневич по поводу ЛГБТ-флага: Это была про-верка общества на зре-лость, которую оно не про-шло от 07.06.2018;

Мягкий язык вражды – утверждение о непол-ноценности социальной группы – был об-наружен еще в одном заголовке: ВОЗ рекомен-дует всем геям пройти профилактику ВИЧ от 11.07.2014. Интересно, что, как и в случае с за-головком Го-мосексуалы в США зарабатывают больше натуралов от 08.12.2017 (средний язык вражды – указание на превосходство социальной группы в материальном достатке), несмотря на непосред-ственную констатацию факта в заголов-ке, его формулировка предполагает выделение (и про-тивопоставление) данной социальной груп-пы, что, несомненно, провоцирует определенный

отклик у читателя.

В свою очередь, статья Британца 11 лет превращала из женщины в мужчину. Теперь он понял, что это было ошибкой от 06.11.2018 по-священа одному конкретному случаю, однако, учитывая тот факт, что гендерная тематика вы-зывает у бело-русских читателей в основном негативную реак-цию, ее заголовок также можно рассматривать как проявление языка вражды, а именно как создание негативного образа группы (мягкий язык вражды). Наибольший интерес вызывает заголовок Каминг-аут ценой в 50 жизней. Стрелок из Ор-ландо мог быть латентным гомосексуалистом от 14.06.2016 (средний язык вражды – утвержде-ние о кри-минальности социальной группы). В заголовке прослеживается указание на обуслов-ленность совершения массового убийства сек-суальной ориентацией преступника, что отраже-но в первом же комментарии (орфография и пунктуация авто-ра сохранены): «Ага, а гитлер -латентный иудей, собака всегда мечтала стать котом... К чему это они подвели? что геи крово-жадные и люди пра-вильно их ненавидят? Мол смотрите... обычные люди безопасны, а геи- пси-хически не здоровы и могут убить... Эта детская дразнилка "сам такой" уже всем приелась... да-вайте следующую...». Еще более негативный от-тенок данный заголовок приобретает при его сравнении с заголовком ста-тьи о самой траге-дии: Из-за стрельбы в ночном клубе в США по-гибли 50 человек, более полусот-ни пострадали от 12.06.2016, где не упоминается, что заведе-ние, в котором произошла стрельба, – это ЛГБТ-клуб. Таким образом, упоминание сексу-альной ориентации преступника в первом случае и не упоминание сексуальной ориентации жертв во втором явно свидетельствует о создании жур-на-листами негативного образа данной социаль-ной группы.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что язык вражды проявляется лишь в 7% заголовках к статьям на гендерную тематику, опубликованных на интернет-портале TUT.by за 2014–2018 гг. В абсолютном большин-стве случаев журналисты используют мягкий язык вражды.

Список литературы

1. Мехонина Е. Н. Коммуникативно-речевая категория враждебности // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 18 (215). Вып. 27. С. 149–155.
2. Василенко Е. Н. Языковые средства убеждения в по-литическом дискурсе. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. 164 с.
3. Ключникова Е. Л. О природе юрислингвистического термина: постановка проблемы // Вестник Башкирск. ун-та. 2015Т. 20. № 4. С. 1374–1377.
4. Общеполитическая рекомендация № 15 «О борьбе с языком ненависти»: принята Европейской комиссией по борьбе с расизмом и нетерпимостью 8 декабря 2015 г. Страсбург, 2016. 75 с.

5. Громова Н. С. Вербальный экстремизм: к вопро-су о границах термина // Вестник Костромского гос. ун-та. 2017. № 3. С. 211–214.

6. Денисова А. В. Правовые основы лингви-стической экспертизы «языка вражды» // Юрислингвистика. 2011. С. 221–227.

7. Ильин, Е. П. Психология общения и межлич-ностных отношений. СПб. Питер, 2009. 576 с.

8. Дзялошинский И. Кому выгодно тиражиро-вание не-терпимости? // Язык мой... Проблема этнической и рели-гиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: РОО «Центр “Панорама”». 2002. С. 100–114.

9. Кирдун А. А., Андреева А. В. Язык вражды в со-вре-менной массовой коммуникации Беларуси // Вестник Мин-ского гос. лингвистического ун та. Сер. 1, Филология. 2017. № 6 (91). С. 100–110.

10. Евстафьева А. В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экс-тралингви-стические факторы функциониро-вания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов: Тамбовск. гос. ун-т имени Г. Р. Державина, 2009. 26 с.

11. Кузнецова В. В., Соколова Е. Е. Свобода слова и язык вражды в российских СМИ // Социальные варианты языка. Н. Новгород, 2004. С. 448–450.

12. Хроменков П. Н. Лингвопрагматика конфлик-та: ис-следование методом количественного контент-анализа: дис. ... д-ра филол. наук. М.: Московский гос. областной ун-т, 2016. 405 с.

13. Автаева Н. О. Язык вражды в совре-менных СМИ: гендерный аспект // Вестник Нижегородского ун-та имени Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 811–813.

14. Гладилин А. В. «Язык вражды» в традици-онных и новых медиа // Вестник Челябинского гос. ун-та. Фило-логия. Искусствоведение. 2013. Вып. 80. № 21 (312). С. 144–153.

15. Кроз М., Ратинова Н. Экспертная оцен-ка материа-лов, направленных на возбужде-ние вражды и ненависти // Цена ненависти. Национализм в России и противодей-ствие рас-систским преступлениям. М.: Центр «Сова», 2005. С. 75–91.

16. Верховский А. Общий анализ результатов мони-торинга // Язык мой... Проблема этниче-ской и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: РОО «Центр “Па-норама”». 2002. С. 20–48.

References

1. Mekhonina E. N. Kommunikativno-rechevaya kategoriya vrazhdebnosti // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gos. un-ta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2015. № 18 (215). Vyp. 27. S. 149–155.

2. Vasilenko E. N. Yazykovyye sredstva ubezhdeniya v politicheskom diskurse. Mogilev: MGU imeni A. A. Kuleshova, 2018. 164 s.

3. Kluchnikova E. L. O prirode yurislngvisticheskogo ter-mina: postanovka problemy // Vestnik Bashkirsk. un-ta. 2015T. 20. № 4. S. 1374–1377.

4. Obshchepoliticheskaya rekomendatsiya № 15 «О

borbe s yazykom nenavisti»: prinyata Yevropeyskoi komissiei po borbe s rasizmom i neterpimostyu 8 dekabrya 2015 g. Stras-burg, 2016. 75 s.

5. Gromova N. S. Verbalnyi ekstremizm: k voprosu o granitsakh termina // Vestnik Kostromskogo gos. un-ta. 2017. № 3. S. 211–214.

6. Denisova A. V. Pravovye osnovy lingvisticheskoi ekspertizy «yazyka vrazhdy» // Yurilingvistika. 2011. S. 221–227.

7. Il'in, E. P. Psikhologiya obshcheniya i mezhlchnostnykh otnoshenii. SPb. Piter, 2009. 576 s.

8. Dzyaloshinskii I. Komu vygodno tirazhirovaniye neterpimosti? // Yazyk moy... Problema etnicheskoi i religioznoi neterpimosti v rossiyskikh SMI. M.: ROO «Tsentr "Panorama"». 2002. S. 100–114.

9. Kirdun A. A., Andreeva A. V. Yazyk vrazhdy v sovremennoi massovoi kommunikatsii Belarusi // Vestnik Minskogo gos. lingvisticheskogo un-ta. Ser. 1, Filologiya. 2017. № 6 (91). S. 100–110.

10. Yevstafyeva A. V. «Yazyk vrazhdy» v sredstvakh massovoi informatsii: lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie faktory funktsionirovaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov: Tambovsk. gos. un-t imeni G. R. Derzhavina, 2009. 26 s.

11. Kuznetsova V. V., Sokolova Ye. Ye. Svoboda slova i yazyk vrazhdy v rossiyskikh SMI // Sotsialnye varianty yazyka. N. Novgorod, 2004. S. 448–450.

12. Khromenkov P. N. Lingvopragmatika konflikta: issledovanie metodom kolichestvennogo kontent-analiza: dis. ... d-ra filol. nauk. M.: Moskovskiy gos. oblastnoy un-t, 2016. 405 s.

13. Avtayeveva N. O. Yazyk vrazhdy v sovremennykh SMI: gendernyi aspekt // Vestnik Nizhegorodskogo un-ta imeni N. I. Lobachevskogo. 2010. № 4 (2). S. 811–813.

14. Gladilin A. V. «Yazyk vrazhdy» v traditsionnykh i no-vykh media // Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. Filologiya. Iskusstvovedenie. 2013. Vyp. 80. № 21 (312). S. 144–153.

15. Kroz M., Ratinova N. Ekspertnaya otsenka materialov, napravlennykh na vzbuzhdenie vrazhdy i nenavisti // Tsena nenavisti. Natsionalizm v Rossii i protivodeystvie rasistskim prestupleniyam. M.: Tsentr «Sova», 2005. S. 75–91.

16. Verkhovskii A. Obshchii analiz rezul'tatov monitoringa // Yazyk moi... Problema etnicheskoi i religioznoi neterpimosti v rossiyskikh SMI. M.: ROO «Tsentr "Panorama"». 2002. S. 20–48.